

СОЛЬ УХОДЯЩЕГО *лета*

18+

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Л Ю Б О В Н Ы Й Р О М А Н

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЮЛИЯ РЕЗНИК

18+

Юлия Резник

Соль уходящего лета

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41266394
SelfPub;

Аннотация

Она сидела на самом краю утеса и просто смотрела вдаль. Женщина, в чьих бедах он был виноват и в чьем прощении нуждался. Тот же ветер, что принес ему слезы моря, заставлял танцевать ее волосы. Длинные, чуть с рыжиной, напоминающие цветом осень. В стороне от дорожки брюхами кверху лежали рыбацкие лодки и древний поржавевший от времени катамаран. В воздухе пахло горькими травами, палой листвой и йодом. Затянутое сланцем туч небо не давало пробиться солнцу, и собирался дождь. Ник остановился. Порыв ветра подхватил соленые брызги моря и что есть силы ударил в лицо. Отрезвляя. Лишний раз напоминая о том, что это единственная соль на щеках, которую он может себе позволить.

Содержит нецензурную брань!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	49
Глава 6	59
Глава 7	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юлия Резник

Соль уходящего лета

Пролог

Вспышки камер. Свет софитов. Знаменитые модели, вышагивающие по подиуму одна за другой. Громкая заунывная музыка, призванная подчеркнуть мрачную красоту коллекции...

Господи... когда же это всё закончится?

Завтра... Наверное, завтра, когда журналы fashion-индустрии взорвутся хвалебными одами показу, организованному его модным домом на площади Троядеро в рамках парижской недели. Грандиозные локейшн на фоне сверкающей ночными огнями Эйфелевой башни, эффектная коллекция, знаменитые на весь мир гости...

Ник обаятельно улыбнулся сидящей рядом с ним женщине. Не улыбаться таким нельзя, даже если хочется выть от боли. Энн... Ее влияние в мире моды так велико, что простирается гораздо дальше роли креативного директора одного из самых модных fashion-журналов мира. За ее советом обращаются политики и звезды, она консультирует главные люкс-конгломераты и задает основные тренды сезона для настоящих монстров индустрии. Плотный бархат или невесо-

мый шифон, кобальт или охра в оттенках?

Не улыбаться нельзя...

Но как это все пережить?

Финальный круг, креативный директор на сцене. Цветы. Аплодисменты. Их показ закрывает главное и самое масштабное мероприятие в мире моды. Это конец. Позади многочисленные вечеринки, презентации и гала-вечера, на которые, как мухи на мед, слетаются самые стильные представители fashion-индустрии, звезды кино, музыки и шоу-бизнеса, и где он тоже был обязан побывать.

Фальшивые улыбки, неподдельные бриллианты. Разговоры ни о чем. Молчание о важном. Рвущийся из груди крик.

Осталось еще чуть-чуть.

– Это было грандиозно, Ник. Поздравляю. Такая впечатляющая контрастность. Красное, белое, черное... Вы полностью проигнорировали модную нынче пастель...

– Филипп вдохновился насекомыми.

– Серьезно? А ведь и правда что-то такое есть в этих принтах... А сочетание грубой кожи и струящегося шифона? И эти буфы на рукавах? Ну, вылитые крылья бабочки! Прекрасно! Просто прекрасно! Завораживающее зрелище... – восхитилась Энн, прежде чем лукаво поддеть: – Я смотрю, ты заскучал, дорогой?

– Признаться, я теряюсь, когда речь заходит о принтах и буфах.

Энн улыбнулась, склонила голову с идеальным бобом чуть

набок и заговорщически прошептала:

– Ты богохульствуешь.

– Нет. Я, правда, ни черта в этом всем не смыслю.

– Зато ты лучше других разбираешься в бизнесе. Меня всегда восхищали твои кадровые решения и чутье.

Ник качнул головой в поклоне признательности:

– Мне очень льстит ваша оценка. И я обязательно передам ваши слова о буфах и...

– И принтах, – улыбается Энн.

– ... и принтах Филиппу. Его они очень порадуют.

– Он молодец. Ты в нем не ошибся.

Это то, что Нику нужно было услышать. Он был бизнесменом, модная империя которого нуждалась в свежей крови. Филипп стал его креативным директором в начале прошлого сезона. Ник многое поставил на кон и не прогадал.

Оставалось продержаться совсем немного.

Он растер глаза и осмотрелся.

Это был ужасный месяц. Какая-то бесконечная гонка. Ника бесило, что мероприятие, которое в конечном счете затевалось для представителей ретейла и байеров, превратилось в PR-инструмент. В погоне за плотным графиком недель мод, сейлз-менеджеры марки сбивались с ног, а значит, были вынуждены сокращать дедлайны, фактически не оставляя байерам времени на раскачку. Межконтинентальные перелеты, показы в четырех разных странах с перерывом в неделю, плюс бесконечные презентации изматывали и не вполне

оправдывали себя с коммерческой точки зрения. Пиар бренда – да. Фото в Инстаграм и журналах.

Когда же можно будет об этом не думать?

Ник взял под руку Энн и направился в бекстейдж, где полным ходом работали фотографы и журналисты. Нацепить улыбку. Прямой взгляд в камеру. Он так и не научился позировать, но это и не мешает. Камера любит Ника. Короткие интервью. Все же, звезда показа – Филипп. Ник – всего лишь топ-менеджер. Творец и создатель увиденной сказки – Фил.

Еще десять минут, и Энн была вынуждена их покинуть. Вздохнуть бы с облегчением, но чуть в стороне мелькали потенциальные инвесторы, а значит, расслабляться еще не время. Улыбки, смех, шампанское... Короткие переговоры и обсуждение новых проектов.

– Отец...

– Поздравляю, сынок. Это было прекрасно.

Похвала от отца все еще стоит дорого. Хотя Ник уже давно доказал свой профессионализм, утроив их состояние с тех пор, как семь лет назад встал у руля семейного бизнеса.

– Спасибо, отец. Филипп – удачное приобретение.

Пожилой мужчина кивает головой и, поймав взгляд сына, будто между делом интересуется:

– Я не видел Маргариты.

– Её здесь и не было.

– Значит, твое решение развестись окончательное?

– Более чем.

– Хорошо. Ты... не передумал насчет своего отпуска?

– Нет, отец. Я хочу... – Ник сглатывает и как в детстве растирает бровь большим пальцем, – мне нужен перерыв. Извини.

– Ты не должен извиняться. Случившееся с Ником младшим подкосило нас всех.

В стальных глазах железного человека мелькает боль. Боль такая адская, что оставаться в толпе уже просто не остается сил.

– Поезжай домой, сынок. Мы тут как-нибудь без тебя.

Ник кивает. Но, тем не менее, не позволяет отчаянию взять над собой верх. Люди его положения не плачут. Они улыбаются...

Только скрывшись от папарацци за затемненными стеклами автомобиля, можно ненадолго опустить голову и, сжав зубы на кожаной оплетке руля, завывать от боли.

Сынок...

Глава 1

Когда Ник припарковался у нужной гостиницы, было раннее-раннее утро. Он вышел из машины и окинул окрестности беглым взглядом. Чистенько, простенько, совсем не так, как он привык. Впрочем, на этот раз ничего другого Ник и не ожидал увидеть. Небольшой пансион на двенадцать номеров. Не в сезон – пустынное место. Но клумбы ухожены, стены отштукатурены, и вообще... во всём видна рука заботливых хозяев. Хозяйки... если быть точным.

На его стук в добротную деревянную дверь никто не вышел. Ник пнул валяющийся на дорожке камушек и растерянно осмотрелся. По всему выходило, что здесь явно кто-то жил. Да и простенький сайт, который он с трудом отыскал в интернете, утверждал, что гостей здесь ждут в любое время дня или ночи. Пожав плечами, Ник обошел гостиницу. Хмыкнул, увидев на заднем дворе развешанное на веревках белье. Почему-то эта картина выудила из памяти воспоминания из давно забытого детства. Мужчина осторожно раздвинул белоснежные хрустящие простыни и пошел дальше. К самому краю утеса. В стороне от дорожки брюхами кверху лежали рыбацкие лодки и древний поржавевший от времени катамаран. В воздухе пахло горькими травами, палой листвой и йодом. Затянутое сланцем туч небо не давало пробиться солнцу и собирался дождь.

Ник остановился. Порыв ветра подхватил соленые брызги моря и ударил ими прямо в лицо. Отрезвляя. Лишний раз напоминая о том, что это единственная соль на щеках, которую он может себе позволить.

Она сидела на самом краю утеса и просто смотрела вдаль. Женщина, в чьих бедах он был виноват... Тот же ветер, что принес ему слезы моря, заставил танцевать ее волосы. Длинные, чуть с рыжиной, напоминающие цветом осень.

Было тихо. И эту звенящую тишину нарушал лишь размеренный рокот волн, да крики голодных чаек. Засмотревшись, Ник споткнулся, но все же удержался на ногах, неуклюже взмахнув руками. Сидящая на краю обрыва женщина резко вскочила:

– Не бойтесь, – Ник выбросил вперед обе ладони, – я ищу комнату. Вы случайно не в курсе, с кем я могу переговорить насчет аренды?

Женщина чуть расслабилась. Медленно отряхнула руки и кивнула головой:

– Да, конечно, я здесь всем заправляю.

У нее был мелодичный довольно высокий голос. И самые зеленые глаза из тех, что он когда-либо видел. Она была красива, но никак не подчеркивала свою внешность. На лице – ни грамма косметики. Да и одета кое-как: в черные штаны для йоги и свободную трикотажную кофту. Наметанный глаз Ника сразу отметил, что она была немного полнее, чем на фотографиях, снятых два года назад. Тогда это был ско-

рее тридцать четвертый. Сейчас не меньше тридцать восьмого. Будь она связана контрактом модели – тот бы явно расторгли. И Ладе пришлось бы выплатить нанимателю предусмотренные договором штрафные санкции, но... Она давным-давно забросила модельный бизнес. Ради другого. Того, что он у нее отобрал.

– Меня зовут Николай. Можно просто Ник.

– Очень приятно. Я – Владислава. Лада. Будем на «ты»?

– Без проблем. Так ты сдаешь комнаты?

– Да. Наш пансион работает круглогодично, хотя в эту пору отдыхающих здесь немного.

Лада медленно двинулась вверх по дорожке, взмахнув рукой в сторону гостиницы в приглашающем жесте.

– Выходит, я буду твоим единственным постояльцем?

– Да. Это так. Боюсь, что ты заскучаешь.

– Ничего. Я приехал не для развлечений. Тишина мне более чем подходит.

В ответ на его слова Лада лишь пожала плечами. Ветер усилился. С неба сорвались первые мелкие капли.

– Вот черт! Там же белье!

Женщина ускорила, почти побежала, и Ник заметил что она немного прихрамывает. Он знал, что в аварии Лада здорово повредила ногу, но был уверен, что ей удалось полностью восстановиться. Как бы не так! Дерьмо...

– Я помогу! – Путаюсь в надувшихся, как паруса, простынях, Ник действительно принялся стаскивать их с веревок.

А мелкий осенний дождь припускал все сильнее.

В помещение заскочили озябшие и продрогшие до костей.

– Куда это все сложить?

– Здесь под лестницей есть хозяйственная комната...

Хозяйственной комнатой Лада именовала тесную кладовку, в которой от пола до потолка тянулись полки с аккуратными стопками белья, а чуть в стороне стояла расшатанная гладилка.

– Клади сюда. Я позже со всем разберусь.

Ник сгрузил охапку простыней на нижнюю полку.

– Ты сама этим всем занимаешься? Помощников нет?

– В низкий сезон в них нет необходимости. Я и сама отлично со всем справляюсь. А на лето, конечно, приходится нанимать горничную и повариху.

– То есть сейчас столовая не работает? – разочарованно протянул Ник, а Лада совершенно неожиданно для него улыбнулась:

– К сожалению.

– А где же едят твои постояльцы?

– Осенью и зимой у меня останавливаются лишь рыбаки.

Их устраивает моя готовка, хотя, если честно, я не слишком в этом сильна.

– Но это все же лучше, чем ничего, – Ник растер руки и выжидающе уставился на Ладу.

– Что? – подняла она брови, – ты не против поужинать прямо сейчас? – догадалась с улыбкой.

– Не отказался бы. Дорога была очень долгой.

– Тогда давай для начала тебя оформим, а после я первым делом что-нибудь приготовлю.

На том и остановились. Пройдя к небольшой конторке на импровизированной рецепции, Лада включила компьютер и попросила у него документы. Чуть помедлив, Ник протянул ей водительские права. Пока хозяйка прилежно вносила данные и заполняла формы, он исподтишка за ней наблюдал. Красивая. Это теперь в погоне за эпатажем на подиум могли вывести все, что угодно, тогда же балом правила красота! Идеальные скулы, сейчас чуть округлившись, точеный нос и красивый изгиб пухлых губ. Но главное – колдовской красоты глаза. Если бы Лада продолжила карьеру модели, ее непременно бы ждал успех. Но она пошла по другой дорожке, которая в конечном итоге пересеклась с его...

– Все готово. Твой номер пять. На первом этаже, ты не против? Приходится экономить на обогреве. Зимой второй этаж не отапливается. – объяснила Лада, показывая мне дорогу.

– Мне все равно.

– Отлично. Ключ, как видишь, самый обычный. Постарайся его не потерять. Сейчас я включу конвектор, и станет гораздо теплее... Так, что еще? Ах, да... Теплое одеяло в шкафу. – Лада положила стопку белья на тумбу и осторожно сняла покрывало с добротной деревянной кровати, – Давай я его, наверное, сразу достану. Что-то сегодня, и правда, хо-

лодно.

Лада распрямила наволочку на подушке и, вытянувшись в полный рост, слабо улыбнулась Нику.

– Если тебя не затруднит, – пожал плечами тот, мазнув взглядом по ее полной, похоже, ничем не скованной груди со сжавшимися от холода сосками. В мозгу шевельнулись абсолютно неуместные мысли. И желания... У него не было женщины чертову уйму времени. И, наверное, это многое объясняло. Кроме того, что последние несколько лет его вообще мало интересовали женщины.

– Ну, вот и все. В душевой найдешь все необходимые туалетные принадлежности. Полотенца в шкафу. Там же халат и тапки. Располагайся.

Лада обошла кровать, чуть припадая на ногу, и, прежде чем оставить Ника, объяснила:

– Обед будет готов через час.

Оставшись один, Ник с интересом обошел комнату. Никогда раньше он не бывал в отелях подобного класса, но почему-то сразу понял, что пансион Лады довольно сильно отличался от всех других. Во-первых, он находился на отшибе, в удалении от популярных туристических маршрутов. Во-вторых, в отличие от современных, возведенных на скорую руку ночлежек, этот дом был явно не новым, пропитанным историей, прослеживающейся в характерной архитектуре и интерьерах, кажется, ничуть не поменявшихся с тех времен. Прошлый век. Или конец позапрошлого. Было удивительно

даже, что он сохранился в своем первоизданном виде.

Приняв душ в небольшой ванной комнате и торопливо одевшись – воздух еще не прогрелся, а потому в комнате было довольно прохладно, Ник вышел из номера. В окна бил дождь и ветки раскачивающихся на ветру деревьев. Тусклый свет электрических ламп мигал, и казалось, что провода вот-вот оборвет.

– Лада... – голос Ника подхватило эхо и понесло прочь по коридору.

– Ник? – Лада выглянула из-за двери, – проходи, ты не против, если мы пообедаем прямо в кухне?

– Абсолютно.

– Тогда проходи. Все уже готово.

Пахло жареной рыбой. И помидорами с грядок. Как-то по-настоящему пахло. В его доме отродясь не водилось таких ароматов. У них не было шанса прорваться из кухни, они умирали прямо там, втянутые прожорливой глоткой промышленной вытяжки.

– Надеюсь, ты ешь камбалу. Забыла спросить, как ты относишься к рыбе, – растерянно пробормотала хозяйка.

– Все в полном порядке. Спасибо.

Было и правда вкусно, хотя рыба порядком пригорела. Ни один уважающий себя шеф-повар такую бы не подал, а зря. Нику осточертела эта рафинированная идеальность. Картинка вместо вкусовых качеств. Все напоказ. Все на продажу.

– Если хочешь – салат. Здесь помидоры, перец и лук.

Немного свежееотжатого подсолнечного масла.

Ник кивнул. Лада пальцами отделила кусочек рыбы и су-нула в рот.

– Очень необычная у тебя гостиница.

– Да. Семейное дело.

– От родителей, выходит, наследство?

Она на секунду замешкалась. Ковырнула кусок помидора вилкой:

– Нет. От мужа... наследство.

– Извини. Я не хотел.

Хотел! Хотел посмотреть на реакцию. Она все еще тоскует о нем?

– Ничего страшного, – высокий голос превратился в едва слышный шелест, – он погиб два года назад. В общем... от мужа, да.

Тоскует. И не снимает кольца. Почему-то он только сейчас обратил на это внимание.

– А ты? Как забрался в наши края?

– Да, так... Решил взять тайм-аут. Подумать о жизни. Рас-ставить все по местам.

– О, в таком случае ты сделал очень правильный выбор. Несмотря на штормы, здесь царит какое-то завораживающее умиротворение. Оно здорово прочищает голову.

– Ты любишь это место...

– Да...

– А чем еще здесь можно заняться простому туристу?

– Развлечений не так много, я тебе говорила. – На секунду показалось, что Лада заволновалась, как если бы Ник упрекнул её в их отсутствии, – рыбалка, велосипед, парапланы... В это время тут довольно ветрено. Детишки запускают змеев.

– Детишки?

– Здесь неподалеку находится детский дом. Иногда я приглашаю воспитанников к себе. Мы устраиваем пикники или какие-то другие мероприятия. Всякие конкурсы да соревнования.

Аппетит пропал напрочь. Желчь подкатила ко рту. Он совсем недавно узнал, что в аварии Лада потеряла не только не успевшего родиться ребенка, но и саму возможность родить. У нее открылось такое сильное кровотечение, что врачам не оставалось ничего другого, кроме как удалить её матку. Вполне возможно, что заботы о чужих детях помогали ей справиться с собственным несчастьем. Он же со своим еще не знал, как будет справляться. Ник просто гнал от себя эти мысли. Не думал, не вспоминал. Не мог смириться, не мог отпустить. Но и принять... не мог.

– Большой детский дом-то?

– Это как сказать. Тридцать воспитанников. Тридцать детей без родительской ласки...

Лада встала и подхватила свою полупустую тарелку.

– А ты, никак, опять голодный? – пробормотала себе под нос, и только тогда Ник заметил огромного кота, свернувшегося в клубок на полу у белоснежной плиты.

– Да ты не одна, – заметил он, скосив взгляд на зверюгу. –

Как зовут этого тигра?

– Бродский...

– Серьезно?

Лада повела плечами и снова отвела взгляд:

– Мы с мужем были поклонниками его творчества.

Как же дерьмово-то. Ник встал из-за стола:

– Спасибо большое за ужин. Я... пожалуй, пройдусь.

– Так дождь ведь?

– Ничего. Я накину ветровку. Хочется... подышать.

Подышать... вдохнуть полной грудью, но не получается. И давит, давит на сердце чувство вины. Уличающе тычет пальцем. А он не знает, как с этим жить. И как простить себя, тоже не знает.

Глава 2

Ник проснулся рано. Он обладал довольно интересным свойством – просыпался точно в пять утра, чем бы ни занимался накануне и в каком бы часовом поясе ни находился. Как это работало – бог его знает, но факт оставался фактом.

Вчерашняя прогулка под ледяным дождем отозвалась острой болью в горле. Но он бы ни за что не отказался от своего вечернего променада. Усталость и пробирающий до костей холод помогли Нику забыться сном, едва его голова коснулась подушки. Он не помнил, когда в последний раз спал так сладко.

Ник встал с кровати, потянулся до хруста в костях и несколько раз повернул корпус, чтобы размяться. Взмахнул руками, присел, выполнил двадцать обязательных отжиманий. Отец с детства приучил его начинать утро с разминки. А потом уже он сам учил тому же своего маленького сынишку...

На улице что-то звякнуло, возвращая Ника в реальность. Он растер руками лицо и подошел к окну. С первого этажа моря не было видно. Зато открывался прекрасный вид на обдуваемый всеми ветрами утес. Мужчина дернул на себя ручку и распахнул окно. Свежий воздух обжег его давно небритые щеки. В сером, затянутом тучами небе, громко причитая, кружили чайки. Обрывки тумана цеплялись за макушки

деревьев, вспыхивающих золотыми факелами в робких лучах осеннего солнца.

Грохот повторился. Из небольшого сарая, находящегося чуть поодаль, с громким устрашающим кукареканьем выскочил нахохлившийся петух, следом за ним – Лада, удерживающая что-то в подоле.

– Ну, и к чему был весь этот скандал? – донесся до Ника тихий женский голос, – мне всего-то и нужно было – шесть штук!

С опаской поглядывая на птицу, Лада задом открыла дверь и быстренько шмыгнула за ограду.

– Ууу, – погрозила она петуху, – так и знай – пущу тебя в суп! Ты допросишься!

Это могло быть смешно, если бы не было так грустно. Лада могла стать одной из самых влиятельных женщин в fashion-индустрии, а вместо этого она гоняла кур...

Ник умылся, оделся и потянулся к ноутбуку. Раньше он бы первым делом открыл новости и биржевые сводки, пролистал Инстаграм. Сейчас – дал себе передышку. Пока он спал и бесцельно смотрел в окно, ничего нового не случилось. Небо не обрушилось на землю. В его мире было все, как всегда. Только он сам отсутствовал, но кого это волновало по факту? Ник как никто знал, что ничего не изменится, даже если его вдруг и вовсе не станет. Жизнь продолжится и возьмет свое. Он равнодушно захлопнул крышку ноутбука и, заложив руки за голову, уставился в потолок.

Так странно... Остановиться. Сойти на обочину жизненной гонки, на дорогах которой он потерялся. Впервые осознать этот факт... Ник подумал о том, что, не случись с его сыном несчастье, он бы и дальше бежал. Бежал по бесконечному кругу, теряя себя в погоне за призом, которого не было.

В какой момент он стал роботом? Машиной? Бесчувственной, равнодушной ко всему, нацеленной лишь на результат? Он поглощал компании, он беспринципно переманивал кадры, он грязно играл, нисколько не сомневаясь, что в большом бизнесе только так и выживают. Возможно, его немного оправдывал тот факт, что он возглавил компанию отца в сложное время. В то время, когда не первый год скованный финансовым кризисом мир моды практически замер. Когда многие стилисты продавали свои марки большим модным концернам, не выдерживая давления и конкуренции. А Ник решил, что ни за что не прогнется и предпочел роль захватчика, но не жертвы. Он понадеялся на успех семейного бизнеса и не прогадал.

Сам того не осознавая, Ник заключил сделку с дьяволом и поставил душу на кон.

А теперь всеми силами пытался переиграть условия сделки...

Невеселые мысли мужчины прервал осторожный стук в дверь. Он открыл, глаза не сразу привыкли к сумраку коридора:

– Лада? Доброе утро.

– Доброе. Надеюсь, я тебя не разбудила?

– Нет, мне не спится. Что-то случилось?

– Я насчет завтрака...

– Уже пора?

– Если ты не возражаешь. Мне сегодня нужно вырваться в город пораньше – так что все готово, да.

– Секунду. Я только обуюсь.

Завтрак был самым простым. Довольно жирная яичница с помидорами и чуть подсушенный хлеб, к которому подали деревенское сливочное масло с медом.

– Чай, кофе?

– Кофе...

– Я варю по старинке. В турке. Ничего?

– Я неприхотливый. Выходит, из-за моего завтрака тебе пришлось выдержать бой с петухом?

– И ради моего тоже, – неловко отшутилась Лада.

Ник кивнул. Было непривычно наблюдать за женщиной, которая поглощала свою пищу с таким удовольствием. Он вообще отвык, что можно есть с аппетитом, нисколько того не стесняясь. В окружении анорексичек и начинающих наркоманок такого не встретишь... Интересно, а как она удовлетворяет голод другого порядка? Ник встряхнулся, отгоняя прочь неуместные мысли. Лада доела, встала из-за стола. Молча подошла к навесному шкафчику, достала с верхней полки медную турку, всыпала кофе. Утреннее солнце рыжими всполохами сверкнуло в ее волосах.

– Какие планы на день? – спросила Лада, чтобы сгладить сгустившуюся в воздухе неловкость, которая неизбежно возникает, когда два малознакомых человека оказываются заперты в тесном пространстве маленькой комнаты.

– Да никаких толком. Осмотрюсь. Может быть, тоже проеду в город. Есть там что-то, стоящее внимания?

– Как сказать. В прошлом наш городок – международная столица свадебной моды.

– А сейчас?

Тень мелькнула по лицу женщины. Одним резким движением она перелила вскипевший кофе в чашку и поставила перед ним. Пододвинула сахарницу:

– А сейчас даже не знаю. Все изменилось.

– Почему же? Столица свадебной моды переехала? – цепкий взгляд Ника поймал в свои сети ускользающий женский.

– Скорее подверглась нападению мародеров, – невесело улыбнулась Лада, отпивая обжигающе горячий кофе.

Ник отвернулся. В ее словах ему послышалась беспощадная правда. Он действительно, как мародёр, поглотил дело Лады, когда она сама лежала в реанимации. Тогда Ник не задумывался о моральных аспектах сделки. В большом бизнесе не было места морали. Однако несчастье с сыном ему на многое открыло глаза. Стоило только задаться вопросом – за что? И тут же совесть заботливо подсунула список... который венчало имя Владиславы Шумм. Вина Ника перед этой женщиной была безусловной. И, как оказалось, отобранный

бизнес был не самым большим его преступлением перед ней. С опозданием в пару лет Ник узнал о том, что и в самой аварии, унесшей жизни мужа и ребенка Лады, он тоже был виноват. Точнее... его жена, но какая разница, если за то, чтобы все подчистить, платил именно он? И он отдавал приказы?

Нереальные трагические совпадения, где умысел и случайность так тесно переплелись, что правды уже было не найти... А ведь Ник отдал бы все на свете, чтобы искупить свою вину перед Ладой. Он бы отдал все, что имел.

Интересно, как бы она себя повела, узнай, кто перед ней сидит на самом деле? Выгнала бы его? Осыпала обвинениями? Или просто смерила презрительным взглядом, как смерила взглядом его заместителя, когда тот приехал, чтобы предложить ей работу? Жалеет ли она о том, чего лишилась? Тоскует ли по профессии?

Гордая. Невозможно сильная женщина, к которой он не знал, как подобраться.

Как вымолить прощение? Как его заслужить...

– Спасибо. Все было очень вкусно.

– Пожалуйста, хотя ты мне и льстишь.

Не став спорить, Ник встал из-за стола и пошел к выходу. Еще вчера он решил, что утром непременно исследует не слишком широкую ленту пляжа, опоясывающую серое море, насколько хватало взгляда. С утеса на пляж вела пологая дорожка, которая упиралась в добротную кованую лестницу,

вскрытую черным лаком. Ступени были достаточно крутыми, и Нику приходилось быть очень внимательным, чтобы не свалиться с них кубарем вниз. Но его усилия того стоили. Здесь было невообразимо красиво. Ветер, наконец, разогнавший тучи, ерошил морскую гладь, сбивал воду в плотные пенные пики, венчающие гребни набегающих на берег волн. А те ударялись о камни, рассыпаясь на мелкие, искрящиеся на солнце брызги.

От воды шел холод. Ник мужественно терпел его добрых полчаса, прежде чем решил все же сходить за курткой. Подъем по лестнице, тропинка, и... Лада, воюющая с допотопным велосипедом.

– Тебе помочь?

– Да нет... Я уже приловчилась. Колесо постоянно спускает. Ничего страшного.

– Ты решила прокатиться?

– Ага. Проехать в город.

– В город? Но... до него сколько? Десять – двенадцать километров? – Ник растер запястье, с маниакальным упорством докапываясь до правды, которая могла оказаться для него не слишком радостной.

– А что поделать? Машины у меня нет.

– Но как же? А зимой? Что ты делаешь зимой? Тоже на велосипеде?

– Зимой я практически не выезжаю. А если возникает такая необходимость, то вызываю такси.

– Не проще ли обзавестись машиной?

Она резко вскинула взгляд:

– Не проще. Я... У меня фобия...

Ник сглотнул:

– Прости.

– Ничего страшного. Ты ведь не знал...

Он знал! Более того, он был в этом виновен! Напряженные от восхождения на крутую лестницу мышцы пронзила дрожь. Наверное, ему еще только предстоит понять, в какой ад он ее вовлек... Дерьмо...

– Знаешь, а давай я тебя подвезу.

– Серьезно?

– Конечно. Вожу я довольно неплохо, – поспешил заверить мужчину.

– Хорошо... Я только за рулем не могу. На пассажирском сиденье мне... терпимо.

– Тогда я что-нибудь накину и сразу в путь.

Ник зашел в номер, подхватил тонкую кожаную куртку и быстро вернулся к ожидающей его на крыльце женщине.

– Запрыгивай... Сейчас только немного прогрею.

Они ехали, неспешно беседуя. О погоде, о море, о предстоящем сезоне... Пока прямо им под колеса из травы не выскочил заяц, и Нику не пришлось резко затормозить. В ушах взорвался звонкий отчаянный крик. Ник съехал на обочину и обернулся к спутнице. Она сидела, вцепившись скрюченными пальцами в обшитую кожей торпеду, слепо уставив-

шись вдаль. Ее зрачки были панически расширены, а рот – приоткрыт.

– Лада... Лада... Ничего страшного не произошло. Это всего лишь заяц. – Его спутница перевела на Ника ничего не понимающий взгляд, и он повторил для чего-то: – Все хорошо. Мы целы. Да и заяц, думаю, тоже.

Женщина моргнула. Низко опустила голову и, разжав побелевшие пальцы, медленно растерла ими виски.

– Извини.

– Ну, что ты? Я просто... немного испугался за тебя.

Нику, наконец, удалось поймать взгляд ее когда-то зеленых глаз.

– Прости. Я не хотела.

– Да что же ты все время извиняешься?

Лада повела плечами и молча отвернулась к окну. Ник снова завел мотор.

– Я, должно быть, кажусь тебе истеричкой.

– Нет. Ничего подобного. Я понимаю, что это все неспроста. Значит, ты пережила в прошлом что-то ужасное.

– Да...

– Хочешь об этом поговорить?

– Зачем? Это невеселая тема.

– Возможно, тебе станет легче.

Лада отрицательно качнула головой:

– Не думаю, что эта боль когда-то утихнет. Я потеряла мужа, я потеряла сына, я потеряла все, ради чего жила... – объ-

яснила Лада, прежде чем отвернуться к окну. Ее слова наждачкой проехали по его оголенным ранам.

– Бытует мнение, что человек должен жить для себя.

– Да... Но я так не умею. Вот здесь сверни, пожалуйста.

Мне на этой улице нужно выйти.

– Ты долго здесь пробудешь? Когда за тобой заехать?

– Мне нужно пару часов. Если тебе будет нетрудно, забери меня прямо из магазина.

Ник высадил Лад у небольшого аккуратного шоу-рума, каких в этом городишке было великое множество. Интересно, что она здесь забыла? Отчеты детектива, которого он нанял, свидетельствовали о том, что Лада целиком погрязла в заботах о гостинице, принадлежащей ее покойнику-мужу. За последние два года под маркой Владиславы Шумм не вышло ни единого платья. Макс отобрал ее бизнес, но не смог отобрать бренд. Практика же показала, что без имени Лад этот бизнес ни черта не стоил. С таким же успехом он мог купить любое другое дело. Помещения фабрик, дорогостоящие станки и шоу-румы... Однако его планы простирались гораздо дальше! Ник хотел монополизировать рынок люксовых свадебных платьев, а в итоге – провел самую провальную и грязную сделку в истории моды.

Глава 3

Лада задыхалась. Даже покинув теплый салон машины, она не могла избавиться от ужаса, сковавшего все ее тело в момент, когда Ник резко ударил по тормозам. Слепляющими всполохами фар мчащейся навстречу машины в памяти мелькнули болезненные, изматывающие душу воспоминания. Те, которые она не могла забыть, как ни старалась. Адский скрежет металла, резкий удар, черное беспмятство... страшная боль...

Проводив взглядом медленно удаляющийся автомобиль, Лада сделала несколько глубоких вдохов, но заполнивший легкие кислород не сумел вытеснить панику из груди. Руки все так же дрожали, а сердце колотилась так сильно, что его грохот отдавал пульсирующей болью в затылке.

Неожиданно дверь, в которую она так и не решилась войти, распахнулась.

– Ладушка... Здравствуй! Ты чего здесь стоишь, как неродная?

– Ох... Голова закружилась, Йоси Соломонович. Ничего страшного. Здравствуйте...

– Ты белая, как мел... Проходи, проходи, моя хорошая... У нас как раз примерка. Не желаешь взглянуть?

– Нет... – Лада отвела взгляд. Она не желала... Она вообще хотела забыть, сколько времени и сил отдавала работе

когда-то. В ущерб семье, в ущерб отношениям с мужем... Господи, если бы она знала, как мало им отмеряно счастья... если бы она только знала! Только поздно уже. Ничего не вернуть. И не избавиться от вины, что корежила душу.

Пожилой мужчина нахмурился:

– У тебя точно все хорошо?

– Да-да, все неплохо. Я привезла кружево...

Лада извлекла из простой холщевой авоськи сверток, обернутый в грубую серую бумагу, и положила на стол. Тончайшей работы кружево... Она провозилась с ним весь прошлый месяц.

Йоси Соломонович отмотал полотно и тихонько при- свистнул, по достоинству оценив все возрастающее мастерство своей ученицы. Поначалу Лада занялась этим старинным ремеслом, чтобы справиться с параличом рук, но кружевоплетение оказалось увлекательным делом. И вот теперь, спустя почти два года, в ее руках рождались поистине уникальные кружева, которые находили свое применение в декоре неповторимых в своем роде свадебных платьев.

– Красиво? – закусив губу, поинтересовалась Лада у своего учителя.

– Это какая-то итальянская техника?

– Бурано...

– Точно... Я видел что-то подобное у Dolce & Gabbana.

– О, да! Кружево добавляет интриги их последним коллекциям. И будоражит мужское воображение... Только мое

кружево все же отличается.

– Ты сама разработала схемы? – вскинул брови пожилой мужчина.

– Сама, да... Хотя, конечно, мне здорово подсобили старинные описания, раздобытые в мою прошлую поездку в Италию. Как бы было хорошо поучиться у тамошних мастеров... – мечтательно протянула Лада.

– Так что же тебе мешает?

Лада оглянулась, провела по замысловатому узору тонкими пальцами без маникюра и, нацепив на лицо маску беспечности, пояснила:

– А у меня с финансами беда, Йоси Соломонович! Реставрация крыши отняла все, что удалось скопить за сезон. А ведь еще менять старый водопровод и проводку!

Отказываясь поддержать шутливый тон разговора, мужчина бросил на Ладу задумчивый взгляд:

– Зачем тебе это?

– Ну, как же? – сделала вид, что не понимает сути вопроса Лада, – по стояку постоянная течь, проводка искрит и мигает! Меня скоро закроют, к чертям... Вот будет хохма! Второй прогоревший бизнес за без малого пару лет...

– Лада!

Владислава резко отвернулась. Ссутулила плечи:

– Извините... Извините, Йоси Соломонович, я... Я просто не могу это обсуждать.

– Ты гробишь свой дар в этой трещащей по всем швам

гостинице, ты зарываешь себя...

– Неправда! Меня зарыли давным-давно... Уже два года как... – парировала Лада тихим срывающийся голосом. – Я... я, пожалуй, пойду. – Она подхватила свою авоську и устремилась к выходу. Йоси Соломонович посеменил вслед за ней:

– К Лидочке?

– К ней... Не знаю, как в глаза ей буду смотреть. Опекать опять не шевелится. Хорошо хоть в детдом не запретили приходить. Блюстителю порядка, чтоб им пусто было...

– Постой... А ты разве не в курсе, что ее забрали в больницу?

– В больницу? – застыв на полушаге, просипела Лада. Откашлялась, встряхнула волосами, прячась за отросшей челкой. – Но как... когда? Мне ничего не сказали...

Холод волной прошелся по ее искореженному телу и свернулся тугим комом в груди.

– Как? Я думал, что ты в курсе... Вчера ей опять стало плохо. Мне Леночка Савина разболтала. Знаешь, там такая светленькая работает? Она мне творог продает...

– Господи... Почему же мне ничего не сказали? Я ведь просила! Я их просила сразу мне сообщать...

– Лада! Послушай, ты ведь никто ей по факту...

– Но ведь не потому, что я этого не хочу! – едва не плача, воскликнула женщина. – Есть ли в них хоть толика человечности?!

– Я не знаю, милая... Но, тем не менее факт остается фактом. Они тебе ничего не должны.

В бессилии Лада сжала руки в кулаки. Ее учитель был прав. Сотрудники интерната не были обязаны перед ней отчитываться! Кто она такая? Несостоявшийся опекун, которому из-за инвалидности и отсутствия мужа в этой самой опеке отказано? Сумасшедшая баба, которая, не имея возможности родить, сосредоточила всю свою любовь на чужом ребенке? Больной ребенке... Смертельно больном...

– Знаешь, что? погоди несколько минут. Я отвезу тебя в больницу. Только отпущу девочек.

– Я не хочу отвлекать вас от дела, – прошелестела Лада.

– Да какое тут дело теперь? погоди... Не убегай...

– Я подожду на улице, – не имея сил больше противиться, согласилась Лада и резким ударом ладони открыла дверь. С трудом преодолела три не слишком высоких ступеньки и опустилась на красивую, выкрашенную белой эмалью скамью. Отгоняя слезы, растерла лицо. Яркий свет больно ударил по ее воспаленным глазам, золотистым лучом скользнул по отполированной резной двери и скрылся где-то под козырьком веранды. Все было как всегда. Ничего не поменялось за время, что она пробыла в доме учителя. Только в ее душе стало немного больше боли. Боли, о которой никто не знал. Боли, до которой никому не было дела. Ни солнцу, ни небу, ни облакам, плывущим в далекие дали...

Как и большинство пожилых людей, Йоси Соломонович

вел машину неторопливо. Лада едва сдерживала себя от того, чтобы не прикрикнуть на него с просьбой ускориться. Несчастные пятнадцать минут, что они ехали, для нее растянулись на долгие-долгие годы.

В отделении Ладу прекрасно знали. Это она из собственного кармана оплачивала лечение девочки, это ей врачи отчитывались о ее состоянии. Это ее пугали прогнозами, сочувствующе похлопывая по плечу...

– Виктор Васильевич... Ну, слава богу, вы на месте! Как она? – Лада влетела в обшарпанную ординаторскую, даже не поздоровавшись, и, увидев знакомого врача, в облегчении замерла у стены.

– Добрый день, Лада... Сама понимаешь, что ничем хорошим я тебя порадовать не могу.

Она знала. Она действительно знала... Неоперабельный порок сердца. Неоперабельный... порок. Прогноз – меньше шести месяцев. Лидочка и без того прожила больше, чем ей было положено, исходя из тех же дурацких прогнозов врачей. Впялив взгляд в потолок, Лада шумно вздохнула. Она же понимала, она ведь все понимала, так почему же так больно? Каждый чертовый раз? Слезы набежали на глаза. Слезы бессильной злобы. Она перерыла все! Изучила законодательство, практику... Она написала о проблеме Лидочки в министерство и проклятому президенту... Она даже телевидение подключила, но это несколько не помогло. Для нее не находилось донора. Не находилось...

– Лада, – тяжело вздохнул пожилой доктор. – Пойми, я и сам за эту девочку как за свою переживаю. Мне ситуация с ней... вот тут! – Виктор Васильевич ударил ребром ладони по горлу и в отчаянии зарылся пятерней в остатки своей шевелюры. – Но нет для нее донора. Нет! Все упирается в это чертово противопоказание: «ограниченная поддержка семьи». Все...

– Они не дают разрешения на удочерение...

– Мне очень жаль. Мне действительно очень жаль.

Лада все же всхлипнула. По крайней мере, этот человек не намекал на то, что ей стоит обратить внимание на менее проблемных детей, как это делали многие другие. Люди, с которыми она после не смогла общаться. Которых вычеркнула из жизни, не понимая, как они вообще в ней появились? Черствые... Чудовищно равнодушные.

– Вы, наверное, знаете, что после принятия решения о трансплантации реципиенты ожидают донорский орган порой до восемнадцати, а то и больше месяцев? Пятьдесят процентов... пятьдесят чертовых процентов погибают, так его и не дождавшись?

– Лада...

– У нее нет восемнадцати месяцев. У нее нет...

– Мне очень жаль.

Она покачала головой и, пошатываясь, встала со стула:

– В какой она палате? Я ведь могу ее увидеть? Или... мне это тоже запрещено?

Виктор Васильевич тяжело вздохнул:

– Она в седьмой. Пойдем... провожу.

В седьмой палате лежала одна только Лидочка. Ее маленькая, совсем не по возрасту фигурка казалась еще меньше на фоне огромной больничной койки. В тонкую ручку была воткнута капельница. Лада ненавидела... лютой ненавистью ненавидела эти иголки.

– Ладушка, ты пришла...

– Конечно, моя золотая девочка. И всегда буду рядом, помнишь?

– Да... до конца.

Лада сглотнула соленый ком:

– Это с чего ты о конце заговорила? Виктор Васильевич утверждает, что ты молодцом. Того и гляди выпишут.

– Это хорошо! Ты обещала прокатить меня на лодке... – тонкий голос Лиды слабел, а ведь она просто разговаривала... всего лишь разговаривала...

– Обязательно... Я обязательно покатаю тебя на лодке, моя золотая девочка. Быстро-быстро, чтобы соленый ветер в лицо и лишь крики чаек над головами...

Лида сонно моргнула, не в силах больше сопротивляться усталости, закрыла свои прозрачные, как родниковая вода глазки. Взрослые глаза маленькой девочки. Глаза, полные обреченного понимания...

Лада растерла слезы по лицу, поправила тонкое одеяло и, поцеловав малышку в пропахшие больничным смрадом во-

лосики, вышла прочь из палаты.

– Ладочка! Как хорошо, что ты здесь! Там тебя ищет какой-то мужчина. Говорит, постоялец.

О господи! Она совсем о нем забыла...

– Лада?! Все хорошо?

Он спешил ей навстречу, а солнце... слепяще яркое солнце зажигало костры в его каштановых волосах. Почему-то Лада видела все происходящее словно в замедленной съемке. Летающую в воздухе пыль, вольготно прогуливающегося по широкому водостоку воробья, угодившую в паутину муху... В какой-то мере она и сама себя чувствовала где-то так. Еще живой, но уже полумертвой. Запутавшейся в паутине чужих смертей.

– Да... да, все... нормально.

Не плакать, только не плакать... Он – постоялец, а не жилетка.

Но как же хочется выть...

– Что все же произошло? Я приехал в назначенное время, но мне сказали, что ты в больнице. Я примчался сюда...

– О... извини за беспокойство. Голова кругом...

– Да к черту! Что случилось-то? Я чем-то могу помочь?

Да! Можешь! Вырви из груди свое сердце... Отдай его маленькой-маленькой девочке... Я бы свое отдала. Но ведь не подходит... Сломанное... ни на что не годное сердце... – пронеслись в голове наверное страшные мысли.

Улыбнувшись дрожащими губами, Лада сказала:

– Нет. Здесь... уже никто не поможет.

И снова улыбнулась. Как дура. Не улыбаться нельзя. Нельзя, потому что никому нет дела до ее слез. Даже богу нет, который по идее должен быть милосердным. А еще... потому, что если эта маска сползет с лица, от нее вообще ничего не останется. Под этой маской ничего нет. Она вся истлела...

– Лада...

– Погодите еще пару минут. Я... мне нужно переговорить с врачами, оставить деньги на всякий случай...

– Да-да, конечно... Я подожду на улице.

Денег не понадобилось. Поддерживающая терапия покрывалась медицинской страховкой, а все, что сверх – больше не имело смысла... Не имело... Сунув несколько сложенных в гармошку купюр медсестре и санитарке, Лада на подгибающихся ногах вышла на улицу. Тело ломило, собранная по частям нога отказывалась повиноваться. И то ли испортившаяся вмиг погода тому была виной, то ли нервы...

– Все уладила?

– Да, все в порядке. – Лада растянула губы в натянутой улыбке и отвернулась к окну. Господи, когда же это все закончится?

Глава 4

Вспарывая серое беспокойное море яростными гребками весел, Лада упрямо продвигалась вперед. Куда угодно. Хоть на край света, хоть за край... Может быть, там нет боли? Размеренные звуки проворачивающихся в креплениях металлических уключин скрежетали по натянутым нервам, соль моря и слез разъедала глаза. Лада утерлась плечом и снова налегла на весла, отдавая этой бессмысленной гребле последние силы. Лишь окончательно измотав себя, женщина опустила гудящие от усталости руки. Подставила лицо серому пасмурному небу и сделала жадный вдох. Местные верили, что сконцентрированный в воздухе йод залечивал раны. Как же жаль, что не душевные...

Набежавшей волной всколыхнуло лодку. Перед глазами Лады поплыло. Крики чаек, крики боли... красный мигающий свет фар, постепенно превращающийся в кровавую пелену... Лада всхлипнула. Упрямо игнорируя слезы, нашарила на дне старую удочку, нанизала наживку и закинула леску в море. Не думать... Не думать... Не думать... Сосредоточиться на здесь и сейчас! Раздобыть ужин. Накормить постояльца... Он очень кстати внес наперед оплату! О Лидочке теперь хорошо позаботятся.

Не думать... Не плакать... Не вспоминать.

Бычок – рыба донная, поэтому насадку нужно подавать к

самому дну, поигрывая ей, постукивая по дну и приподнимая над ним, чтобы привлечь рыбу. Так, когда-то давно, Ладу учил муж.

Господи, как она ненавидела эти рыбалки! Какой бессмысленной тратой времени они ей казались... Деловой... Всегда на бегу. Она любила Сергея с самого детства, но по большому счету между ними было так мало общего! Владелец небольшой гостиницы и она... Успешная, красивая, богатая. Он хотел тишины и покоя. Она же впадала в панику каждый раз, когда телефон молчал больше пяти минут. Он ненавидел надолго уезжать из дома. Она кочевала по миру, как перекати-поле, от одного модного показа к другому. Он вел тихую жизнь, она – блистала на обложках журналов. Сначала в качестве модели, потом – довольно успешного дизайнера. Он хотел детей... Десять лет хотел... Ей же эта пауза казалась смерти подобной. Она была на гребне... на пике! Просила подождать. Годик, другой... Пять лет... Десять. Никто не знал, что перед тем как забеременеть, они едва не расстались! Сергей отказался ждать. Он и так ждал ее слишком долго, так долго, что Лада наивно решила, что его терпение бесконечно. Но это было не так. Ультиматум прозвучал как гром среди ясного неба. Или ребенок... или развод.

Лада до последнего не хотела. Не считала себя готовой... Только позже, когда малыш зашевелился, когда прошел ужасный токсокоз, и она снова смогла дышать без страха вырвать в любую секунду... она обрела гармонию. Позд-

но... слишком поздно обрела...

Вечерело. Туман над водой сгущался, окутывал все кругом таинственным воздушным покрывалом. Сквозь его серую пелену опускающееся за море солнце казалось необычайно большим и блеклым. Таким же блеклым, как ее жизнь...

Море все сильнее волновалось, бурлило, взбудораженное отчаянными порывами ветра. И хоть солнце еще не село, оно оказалось неспособным развеять мрак, принесенный надвигающимся штормом. Опомившись, Лада быстро скрутила леску, подняла якорь и погребла к берегу, который почему-то оказался так далеко...

Лады не было долго. Так чертовски долго, что волнение, вызванное ее абсурдной идеей выйти в море, теперь просто зашкаливало. Набросив висящий на крючке брезентовый плащ, Ник вышел из уютного тепла гостиницы. Склонив голову под все усиливающимися порывами ветра, быстро преодолел дорожку, крутые, ставшие еще более опасными после дождя ступеньки и спустился на пляж. Продолжающийся дождь хлестнул холодной водой по лицу, проник юркими ручейками за воротник, побежал вниз по спине. Ник накинул капюшон и, сощурившись, устремил взгляд к морю, туда, где беспощадная стихия трепала на волнах крохотное суденышко. Оно то поднималось вверх, то снова опускалось в пучину, заставляя его сердце что есть силы сжиматься в тревоге.

Ник не знал, как поступить. Вызвать спасателей? Броситься в воду самому? Он злился на Ладу, на ее бредовую идею порыбачить в такую погоду, но в то же время он понимал, что таким образом она просто бежала... Бежала от себя. Бежала от боли. Что же все-таки произошло в этой больнице? Что же, мать его, там произошло?

Где-то вдалеке послышался оглушительно громкий лай. Непогода усиливалась, но лодка, несмотря ни на что, медленно приближалась. Ник подошел вплотную к кромке воды и стащил с себя обувь. Вглядываясь во все сгущающуюся темноту, он чувствовал себя мухой, запертой в янтаре расслоившегося на прошлое и будущее времени. Плюнув на все, Ник ступил в обжигающе холодное море. Нырнул с головой и поплыл. В том месте, где он перехватил за канат лодку Лады, вода почти смыкалась над его головой. Шаг за шагом... до самого берега.

– Вылезай! – перекрикивая свистящий ветер, скомандовал мужчина, но Лада то ли не услышала его, то ли не смогла подняться, – Вылезай, слышишь?!

– Нога... – в тусклых отблесках упавшего за горизонт солнца ее лицо казалось белым, как мел. На нем отчетливым ярким пятном выделялись посиневшие от холода губы и глубокие провалы переполненных болью глаз.

– Что нога? Ты поранилась?

– Судорога...

Волны хлестали о деревянный борт суденышка, поднима-

ли вверх ключья белой пены и неслись дальше, разбиваясь о скалы. Нику не оставалось ничего другого, кроме как тащить лодку до самого берега.

Почти теряя сознание от ужаса и усталости, Лада все же не могла не думать о том, как должно быть холодно Нику в воде. Она отчаянно хотела помочь, но не могла даже пошевелиться, чтобы не взвыть от пронзающей тело боли. Окоченевшие руки, казалось, намертво примерзли к веслам...

– Давай руку! Я тебе помогу!

Даже ледяной дождь был намного теплее холодной морской воды, стекающей с Ника ей на руки и плечи. Собрав все свои силы в кулак, Лада крепко обхватила ладонь мужчины и резко встала. Борт лодки был совсем невысокий, но она не смогла через него переступить и, понимая ее затруднение, Ник просто поднял ее.

– Устоишь? Дойти сможешь?

Сцепив зубы, Лада кивнула головой. Она старалась не думать о том, как будет подниматься по лестнице... Если узкую полоску пляжа еще как-то можно было преодолеть, то лестница для нее в таком состоянии – абсолютно невыполнимая задача.

Шаг за шагом, преодолевая боль, которая в какой-то момент стала ее спасением. Которая своей сводящей с ума агонией напоминала Ладе о том, что она жива. Которая пробуждала в ней клокочущую ярость, вызванную несправедливостью жизни и смерти...

Тело отказывалось слушаться. Казалось, она заново почувствовала каждый свой перелом, каждый рубец на коже.

– Сможешь подняться?

Лада кивнула головой, хотя перед глазами темнело. Подняла здоровую ногу, подтянула пострадавшую. Вцепившись в перила, низко опустила голову, собираясь с силами, чтобы сделать следующий шаг.

– Твою мать... – выругался за спиной мужчина. – Забирайся!

– Что?

– Забирайся на спину! Я тебя понесу...

Они ввалились в гостиницу, промокшие и продрогшие до костей...

– Лада! Лада ты меня слышишь?

– Слышу...

– Тебе нужно в горячую ванну! Где твоя комната?

– Направо... Оборудована... финская... сауна. Тебе тоже... не... мешало... бы... согреться, – стуча зубами, проговорила она.

Деревянная, достаточно тесная. Ник щелкнул тумблером. Постепенно тесное пространство начало наполнять тепло.

– Снимай!

Лада непонимающе уставилась на своего спасителя. Усталость закрывала глаза, но, преодолевая себя, она негнушима окоченевшими пальцами ухватила за пуговицу. Та не поддалась, едва не плача, Лада вскинула голову.

– Дай, я...

Стыда не было. Она тысячу раз переодевалась в присутствии мужчин. Она блистала на подиумах в полупрозрачных, абсолютно ничего не скрывающих платьях. Ей было плевать, что он смотрит. Она не могла заинтересовать его своим соборным по частям телом. Нападение ей не грозило. Да и не то, чтобы она вообще была способна думать о чем-то таком.

Блаженный жар от камней... Пар от испаряющейся на теле влаги. Белесая пленка осевшей на теле соли... Боже, как хорошо... Хорошо! Лада находилась в каком-то беспмятстве. Сморенная теплом, она то окуналась в сон, то выныривала на поверхность и совершенно не замечала, как Ник на нее смотрел. А он смотрел, как-то сразу очнувшись, стоило ему только заметить... шрамы. Так много шрамов. Блеклых полос, расчерчивающих ее золотистое тело. Разделяющих ее прошлую жизнь на «до» и «после». Шрам на животе прятался под кромкой простых черных трусиков, из них же выползал длинный рубец на бедре. Он думал, больше не будет... Но сердце полоснуло виной. И страхом... что ему ни за что не расплатиться за случившееся. Потому что у него не укладывалось в голове, как такое можно простить. Он бы не смог...

Окончательно отогревшись, Ник обмылся под теплым душем, заставил помыться и Ладу. На полках в предбаннике нашлись махровые халаты. Мужчина оделся сам, а после протянул халат Ладе:

– Сними все и надень вот это! Я подожду за дверью.

В кухне она немного ожила. Выпила чая с лимоном и медом, который он заботливо заварил.

– Спасибо, – прошептала едва слышно. – Я бы добралась сама... Но все равно спасибо.

– Не расскажешь, какого черта ты вытворяла?

– Удила рыбу? – то ли ответила, то ли спросила Лада.

– В такую погоду?

– Нужно было что-то приготовить на ужин...

Ник недоверчиво скривился. Растер ноющие руки. Все-таки как хорошо, что в свои сорок он находился в прекрасной физической форме. Иначе... иначе он мог и не справиться.

– Лада... Может быть, ты расскажешь, что все же случилось? Вдруг, я смогу помочь?

– Ты и так помог больше, чем я могла бы рассчитывать. Спасибо тебе, но... это слишком тяжелая и запутанная история. Не для тех, кто приехал на отдых...

– А ты не решай за меня.

Лада осторожно отставила чашку. И едва заметно шевельнув плечами, сказала:

– В том приюте, о котором я тебе рассказывала, живет ребенок. Девочка Лида. Ей шесть. Я добиваюсь над ней опеки... где-то уже около года. Безрезультатно.

– Почему? – Лада отвела взгляд от красивой расшитой скатерти, которую осторожно поглаживала пальцами, и по-

смотрела ему прямо в глаза. Сейчас, в тусклом свете, который с трудом выжимали из допотопной проводки мощные современные лампы, на его грубо вытесанном лице появилось что-то дьявольское и мистическое. Он так пронизывающе на нее смотрел, что Лада даже на секунду поверила, что ему все подвластно.

– Почему? Ну, причин на самом деле хоть отбавляй. Я по документам – инвалид... А это, знаешь ли, клеймо. Как если бы я была преступником педофилом, там, или... я даже не знаю. Плюс... одинокая. А для женщины хуже, чем инвалидность, может быть разве что одиночество. Так нельзя. Надо к кому-то прибиться. А если этот кто-то зарыт в земле... – Ее голос сорвался.

– Я понял. Ты не можешь ее удочерить. Это решаемо, нужно только время...

– Которого нет.

– На нее претендуют другие... опекуны?

– На нее претендует смерть. Полгода... У нее осталось полгода, – безжизненным голосом поправила Ника Лада и, пошатываясь, вышла из-за стола. – Извини... Я что-то устала.

– Что с ней? – не сдавался мужчина, устремляясь вслед за хозяйкой гостиницы. – Онкология? – он не мог предположить ничего другого.

– Сердце. Неоперабельный порок.

Лада все же покачнулась. Ник подхватил ее за руки и,

удерживая собственным телом, прижал к стене. Она знала, что одиночество может сыграть с человеком злую шутку. Она знала, что одиночество может полностью изменить его жизнь. Но она не догадывалась, что одиночество сможет бросить ее навстречу другому мужчине. Сделает его желанным... Безотчетный страх холодом пробежал по едва успевшей отогреться коже. Страх перед собой и... перед ним. Перед собственным телом, которое предало, откликнувшись на тепло незнакомца.

Она пошевелилась, чуть оторвалась от стены и, отведя глаза, просипела:

– Я пойду? Ладно? Я очень... очень устала.

Глава 5

Когда Лада скрылась за дверями своей комнаты, Ник первым делом схватился за телефон. Его юристы, конечно, специализировались на совершенно иных вещах, но они абсолютно точно могли подсказать контакты специалистов нужной направленности.

– Марк... Привет. Погода? Штормит... Я по делу... – Ник не стал извиняться за поздний звонок, он платил своим людям ровно столько, сколько бы позволяло ему обращаться к ним с любой просьбой в любое время дня и ночи. – Мне нужна информация. В местном приюте находится воспитанница с неоперабельным пороком сердца. Девочка шести лет. В отношении нее подано прошение об усыновлении, которое было отклонено. Узнайте причины. Выйдите на людей, которые помогут разобраться с ситуацией в пользу опекуна Владиславы Шумм. Также мне нужна медицинская карта ребенка. Покажите ее лучшим специалистам... Местные не оставляют девочке шансов. Мне нужен другой прогноз. Варианты лечения. Детали? Нет никаких деталей. Зачем бы я тебе звонил?

Отложив трубку, Ник сунул руки в карманы и подошел к окну. Боль тугими узлами скручивала внутренности. Он чувствовал себя отвратительно. Вина придавливала к земле. Вина и чужая неподдельная боль. Ник знал, каково это – чув-

ствовать собственное бессилие. Знал, каково это – услышать врачебный прогноз, не оставляющий шансов. Когда время идет на дни. Когда каждая секунда на счету. Он знал...

Ник больше не сердился на Ладу. Сколько ночей он сам колесил по пульсирующему огнями мегаполису, убегая от собственной боли? Не счесть. Полгода адской гонки. От себя. От правды. От необходимости смириться...

Было жарко. И то ли включенный на всю мощность конвектор, то ли пламя ярости, бушующее внутри, было тому виной – Ник не знал. Он открыл окно, с наслаждением подставляя разгоряченное лицо соленому ветру. Было бы так просто забыться. Закинуться дрянью, способной изменить реальность, как делали многие в его окружении... Подменить реальность, убежать от нее.

Невеселые мысли мужчины прервал странный звук. Он прислушался... Это были стоны... Болезненные стоны. Он не слышал их за закрытым окном, ведь стены в гостинице были достаточно толстыми, но стоило ему распахнуть створки...

– Черт его все дерит! – выругался Ник.

Он не знал, что ему делать. Постучаться к ней в комнату? Разбудить? Как разогнать кошмары Лады, как успокоить боль? Её... и свою. Стоны переросли в тихий, но такой горький плач. Ник оперся ладонями о широкий деревянный подоконник и опустил голову вниз. Он был виноват перед ней. Он был так виноват...

Ненадолго все стихло. А после послышался какой-то грохот, но звук шел уже не от окна. Преодолев небольшую комнату, Ник распахнул дверь. В дальнем конце коридора, привалившись спиной к стене, стояла Лада.

– Что случилось? – Ник подлетел к ней и легонько встряхнул, обхватив руками за плечи. С ней что-то явно было не так. Лицо, искаженное болью, казалось застывшей маской агонии.

– Нога, – Лада облизала губы, – бывает, она болит на смену погоды...

Болит? И так каждый раз?

Ник приобнял женщину, облокотив ее на себя:

– Вызвать врача?

– Нет. Просто... помоги мне дойти до сауны... Там есть джакузи с гидромассажем. Вода поможет расслабить спазмировавшуюся мышцу и снимет боль.

– Может быть лучше принять обезболивающее?

– Нет-нет... Это очень опасно... привыкнуть – раз плюнуть.

Лада едва шевелила губами, пот на ее лице собирался в бисер и отблескивал в тусклом свете ламп. Встряхнув головой, Ник скомандовал:

– Тогда держись за меня крепче.

Удивительно. Он помогал ей с ванной второй раз за день. Перешагнуть через бортик, включить кран...

– Обопрись ногой о мою.

– Что...

– Я разомну. Умею немного... Ну же...

Со стоном Лада вытянула ногу. Ник с силой провел ладошью по напряженной мышце, размял ее пальцами.

– Ум-м-м... – простонала Лада.

– Сначала будет больно. Я знаю... Потерпи чуть-чуть.

Мужчина сосредоточился на своих движениях. Ситуация была – дрянь, но его непонятно зачем ожившему либидо было на это плавать. Совсем некстати Ник подумал о том, какой шелковистой кажется ее кожа под его пальцами. О том, какие красивые у Лады ноги. Бесконечно длинные, рельефные, сильные... Он гадал, что бы почувствовал, обхвати она ими его талию... Или закинь на плечи... Тело окатило жаром, которого он не испытывал очень давно.

– Так больно...

– Потерпи, постарайся отвлечься...

– Я не знаю, как... – просипела она, слизывая капельки пота над губой. Невыносимо чувственно. Ник откашлялся:

– Расскажи мне что-нибудь. Это тебе поможет.

– Рассказать? Я не знаю... Что бы ты хотел узнать?

– Расскажи мне о столице свадебной моды, – предложил Ник, продвигаясь руками дальше и дальше по бедру. Ему было, и правда, интересно. Где он просчитался? Чего не учел, разрабатывая стратегию поглощения.

– О столице... Ладно... Наш городок издавна славился своими белешвейками. И моя бабушка рукодельничала, и

моя мама... Да, в принципе, большинство здешних женщин с тем или иным успехом... Не знаю... как-то так повелось, что весь свой талант местные мастерицы сосредоточили на создании свадебных платьев. Сколько я себя помню, их продавали на местном рынке. И постепенно сюда стали съезжаться покупатели не только со всей страны, но и из Польши, Румынии, Чехии... Сначала просто обычные невесты, потом – оптовики. Когда я решила войти в этот бизнес... – Ник вскинул взгляд и поймал расфокусированный взгляд Лады. – Да-да, я не всегда была владелицей гостиницы... – женщина вымученно улыбнулась, прежде чем продолжить свой рассказ, – когда я только постигала его азы, готовясь создать свое дело... выяснилось, что за пределами страны стоимость наших платьев возрастала в пять – десять раз в зависимости от покупательской способности граждан! Ты только представь! На местном рынке стоимость изделия начиналась от ста долларов, а там эти же платья продавали не меньше, чем за пятьсот! – Ник впервые видел Ладу такой возбужденной. Видимо, боль потихоньку отступала. – Тебе, наверное, совсем не интересно... – отведя взгляд, пробормотала куда-то в сторону.

– Почему же? Я тоже бизнесмен... Продолжай.

– Ну, в общем, у меня появилась идея собственного дела. Торчать на продуваемом всеми ветрами рынке мне было не с руки. И я построила первый в этом городе шоу-рум. В мой салон отбирались только самые лучшие, самые дорогие

платья. Те, которые со временем завоевали весь мир. Мой бренд пользовался успехом на западе и на востоке... Работая в модной индустрии, я примерно понимала разницу между тем, каким видит свое свадебное платье американка, или, скажем, арабка...

– Полагаю, что есть какие-то отличия?

– Конечно...

Под пристальным взглядом Ника Лада, поежившись, встала из ванны. Ник проводил взглядом стекающие по ее телу капли воды и медленно сглотнул. Она снова предстала перед его взглядом в одних трусах и простом спортивном лифчике, который, намкнув – лишь подчеркнул дерзкий изгиб груди.

– Мы подстраивались под каждого клиента. Например, позолота и камни в большинстве своем не подойдут для барышень из США, а сдержанные и скромные наряды не поедут в Арабские Эмираты... – Лада подняла руки и отжала намокшие концы волос. Провела полотенцем по груди и животу. Ник переступил с ноги на ногу, сраженный этой картиной.

Лада подняла веки и нарвалась на его ищущий голодный взгляд. Отшатнулась неловко, и чуть было не упала. Его сильные руки подхватили ее за плечи, помогая удержаться на ногах. Ник был так близко. Их разделяли лишь миллиметры ткани... Жар поднялся вверх по ногам, по животу, груди и всей своей мощью ударил в голову. На секунду черная вуаль неизвестности будто приподнялась, и Лада поняла, что вне

зависимости от того, что было, или того, что ждет ее впереди, прямо сейчас она бы хотела быть с ним. Мужчиной, который помог... Который не оставил в беде и облегчил боль. Пусть даже ненадолго. Ладе хотелось раствориться в нем до конца, распасться на атомы. Чтобы, пройдя через жернова страсти, возможно, родиться заново. Родиться... или окончательно умереть.

Жар дыхания обжигал чувствительное местечко на шее. Стоя в ванне, она была выше Ника...

– Тебе точно получше?

– Да... – шепот, и невозможность решиться... невозможность сделать шаг навстречу, невозможность отступить. Господи! Пусть он сам сделает выбор...

– Давай помогу выбраться... – негромко предложил он.

Так же быстро, как и накатил, жар схлынул. На смену адскому пламени пришел зябкий могильный холод. О чем она думала? Как посмела хоть на секунду поверить, что имеет право на счастье? Пусть сиюминутное и кратковременное, но все же... Почему решила, что такой интересный мужчина оценит ее раздавленное тело, изборожденное шрамами и рубцами?

– Спасибо, – прокаркала Лада, выбравшись из ванны на пол. – Ты очень помог мне...

– А кто помогает тебе, когда здесь никого нет?

Вот только не надо этого! Не надо жалости! – хотелось прокричать Ладе, но она сдержалась. И без того её постояль-

цу досталось. Он не был виноват, что ее жизнь пошла псу под хвост.

– Сама справлюсь. И сегодня бы справилась... Не переживай. Я привыкла.

– Эй, ты куда?

– Выпью теплого молока. Сейчас я вряд ли усну... Что? Почему ты так смотришь? – занервничала женщина.

– Я вообще-то тоже не ел.

– Ох... – выдохнула горе-хозяйка. Легкий румянец окрасил ее щеки розовым. Хороша. Ничего не скажешь. – Тогда... пойдём, что-нибудь придумаем на скорую руку.

На горизонте занималась заря. В ее розовых красках небольшое помещение кухни казалось серым и неприветливым. Лада включила лампу на столе. Золотой свет скользнул по скатерти и зажег языки пламени в ее волосах.

– Выбор у нас небольшой. Бычки остались в лодке... – тихо сказала она.

– Хорошо. Тебе помочь?

– Нет, спасибо...

Лада налила в кастрюлю воды и поставила ее на огонь. Пошарив на полках, достала пачку макарон.

– Мясо все замороженное. Не возражаешь, если я приготовлю пасту с консервированным тунцом?

– Сейчас я съем все, что угодно.

Приготовление ужина не заняло много времени. Уже через несколько минут перед Ником поставили полную тарел-

ку макарон с щедрым куском масла и водруженными в центре кусочками консервов.

– Значит... У тебя был свой бизнес.

– Ага... – поморщившись, Лада растерла бедро и осторожно опустилась на стул.

– И что же с ним приключилось?

– О, совершенно банальная история. Рейдерский захват. Ну, знаешь, как это бывает, когда под дело взято много кредитов... Их перекупили, состряпали суд... без документов такие вопросы не решаются, ты, наверное, в курсе, и, собственно, вот...

– Почему ты не боролась? – Ник выглядел как-то странно. Напряженно, будто её рассказ не на шутку его взволновал. Темный взгляд его глаз пробирал до костей. Лада передернула плечами.

– Сложно бороться из реанимации. Да и незачем... Этот проклятый бизнес отнял у меня слишком много. Время, которое я могла провести с любимым мужчиной. Детей, которых я не родила... Счастье, которое было под носом, и которое я не смогла разглядеть...

– Думаешь, во всем виноват твой бизнес?

– Нет... Виновата как раз я сама. Всю жизнь я гонялась за каким-то мифическим, навязанным обществом идеалом. За тем большим, чего у меня не было, и к чему я так отчаянно стремилась... Но все это было бессмысленно. На самом деле для счастья мне не нужно было чего-то такого... А теперь

уже слишком поздно.

– Почему ты так уверена в этом? Тебе сколько? Тридцать? Тридцать два?

– Тридцать четыре...

– У тебя впереди целая жизнь... Ладно! Не буду – это звучит банально...

Лада улыбнулась краешком губ, соглашаясь с его последними словами.

– Просто иногда мы теряем ориентиры... Мне это очень знакомо. Но ведь нельзя сдаваться... Нужно найти в себе силы двигаться дальше... Твой бизнес... Вероятно, ты была в нем успешна... он приносил тебе удовольствие, почему бы тебе не вернуться к любимому делу, вместо того, чтобы прозябать здесь? – Ник говорил довольно запальчиво и эмоционально, сдабривая слова нервным движением рук.

Лада пожала плечами и, припадая на ногу, встала из-за стола. Она не хотела спорить с Ником и не хотела ему объяснять... Она даже себе не готова была признаться, что выбрала этот путь неспроста. Ее жизнь была покаянием. Покаянием перед погибшим мужем.

Глава 6

В тот день Лада спала дольше обычного. Пока запертые в сарае куры не подняли громкий, возмущенный произволом хозяйки крик. Тогда она выскользнула из-под легкого одеяла, умылась, не глядя в зеркало, и, накинув халат, выскочила на улицу. Главное – открыть птицу и насыпать им зерна, а уж после можно будет позаботиться и о себе.

Между кустами хризантем, высаженных возле сарая, мелькнул деловито вздернутый хвост.

– Бродский! Ну, слава богу, ты где бродил?

Лада подошла к заметно похудевшему коту и, осторожно присев на корточки, почесала того за ухом. На самом деле она не волновалась о Бродском. Он был известным Донжуаном и, в противовес всем канонам, октябрь на календаре никак не влиял на его либидо. Вольная любвеобильная душа Бродского готова была последовать за понравившейся кошечкой хоть на край света, и тогда он исчезал на день, а то и на два. Так что Лада уже даже привыкла к тому, что у ее кота была намного более насыщенная жизнь, чем у нее самой, и не пугалась, когда тот пропадал.

– Мя... – пожаловался Бродский.

– Истаскался весь! Не кормили?

– Мя...

– Сейчас-сейчас, только кур открою. Они первые попро-

сили есть. Все по-честному, – объяснила Лада коту. За спиной раздался тихий гортанный смешок. Она резко обернулась.

– Ты всегда разговариваешь с животными?

Вспыхнув, женщина резко встала. Больная нога не выдержала такого пренебрежения и отозвалась острой болью в мышцах.

– Ох, – простонала Лада.

– Ты в порядке?

Ник подхватил ее за руку, сосредоточив на Ладе свой испытывающий взгляд. Еще вчера она заметила в его глазах нечто необычное, какую-то сумасшедшую энергетику, прущую из их глубины. Но только в утреннем свете, касаясь телом тела, обратила внимание на их удивительно яркий цвет. Его глаза были вовсе не карими, как ей показалось сначала. Глаза Ника были насыщенно-серыми. Такими же серыми, как штормовое море... Или затянутое тучами небо, или... Ну, вот... Опять. Она пялится на него, как дура! Резко отступив, отчего мышцы вновь отозвались болью, Лада заметила:

– Да, все хорошо. А насчет животных... Порой это мои единственные собеседники.

– И это твой выбор? – тихо поинтересовался Ник, и Ладе ничего не оставалось, кроме как снова на него посмотреть. Она не могла понять настойчивости мужчины. И злилась от того, что он взялся судить, ничего о ней толком не зная.

– Почему ты решил, что можешь меня осуждать? Только лишь потому, что помог мне?

Лада развернулась и, тяжело ступая, двинулась к сараю. Насыпала зерна, налила воды в поилку и уж тогда открыла дверь, выпуская птиц в закут. Петух-скандалист, будто бы почувствовав воинственный настрой хозяйки, обошел ее по дуге, глядя недобрым красным глазом – обещая, что в следующий раз она так просто от него не отделается. Лада горько хмыкнула. Собрала яйца в подол и торопливо вышла за калитку.

– Я не осуждаю тебя.

– Мы разве не закрыли тему? – удивилась Лада тому, что Ник еще не ушел.

– Правда... Я не осуждаю.

– А мне показалось, что именно это ты и делаешь. Что выглядит довольно самоуверенно, учитывая тот факт, что ты не бывал в моей шкуре и знаешь о ситуации лишь понаслышке.

– Ты так в этом уверена?

– В том, что ты ни черта не знаешь? – все больше злилась Лада.

– В том, что я не бывал в твоей шкуре, – так же яростно крикнул Ник. Потом зарылся пальцами в густые, давным-давно не стриженные волосы и выругался. – Так кто из нас самоуверенный? – тихо добавил он.

У ног мякнул Бродский. Лада подхватила кота с земли и прижала к груди, будто прячась за ним от проблем. В ней

было слишком много собственной боли, чтобы впустить в душу еще хоть немного, но, тем не менее, она не смогла промолчать:

– Ты неспроста сюда приехал, ведь так?

– Меня сюда привело несчастье с сыном. Мне говорят – его нет. А я никак не могу в это поверить...

Ник запрокинул голову к небу, словно это была единственная для него возможность не дать пролиться слезам.

Лада сглотнула:

– Прости... Я не хотела, Ник, правда... Порой я забываю о том, что боль – это не моя личная индугенция.

– Да... Ты тоже извини.

Они замолчали. Лада теребила подол, размышляя о несправедливости жизни.

– Как его звали?

– Ник... Его звали Ник... Как и меня.

Лада кивнула, оглянулась на мужчину и медленно побрела к дому. Ник последовал за ней.

– Завтракать будешь? – спросила она, перекладывая яйца в холодильник.

– Что-то нет аппетита.

– Тогда выпьем кофе... Я тоже не голодна.

Ник кивнул, выждал немного, сомневаясь, но все же вернулся к не слишком приятной для Лады теме:

– Ты прости меня... Я не имею права тебе что-то советовать. Просто вижу, что ты несчастлива здесь. И как для то-

варища по несчастью хочу для тебя лучшей доли.

– Опять ты за свое, – нахмурилась Лада, ставя турку на огонь.

– Да... Выходит, что так, – криво изогнул губы Ник, но вряд ли это движение можно было назвать улыбкой.

– Ник... Как с товарищем по несчастью, я готова обсудить с тобой все, что угодно. Но только не свое решение здесь остаться. Это мой долг, прости. Я больше не хочу муссировать эту тему.

Под ее строгим взглядом Ник отступил. В знак капитуляции выбросил вперед обе ладони. Выждав пару секунд, зарылся руками в волосы.

– Какие твои планы на день?

– Мои? – Лада удивленно вскинула брови.

– Да. Твои, – глядя ей прямо в глаза, подтвердил Ник. – Мне нравится твоя компания. Да и тебя вроде не напрягает мое общество.

Лада отвернулась, не сумев выдержать его взгляд. Уж не намекал ли он на искры, пробежавшие между ними?

– Я планировала проведать Лидочку, а после вспушить клумбы.

– Может быть, порыбачим?

– Порыбачим? Разве это не ты проклинал мою вчерашнюю рыбалку?

– Сегодня море спокойное. К тому же я сяду на весла.

Ник намекал на то, что намного сильнее Лады, и одеж-

да, которая сегодня была на нем, только подчеркивала слова мужчины. Обтянутые тонким серым свитером плечи казались такими широкими, что загораживали льющийся из окна свет, а потертые временем джинсы прекрасно сидели на его узких бедрах. Он был большим и мощным. И было бессмысленно отрицать то, что ей это нравилось.

– Хорошо. Но только после того, как я проведаю Лидочку.

– Заметано. Я тебя отвезу.

Лада вздрогнула, однако все же взяв себя в руки, сказала:

– Ладно... Мне только нужно переодеться.

Закрывшись в собственной комнате, Лада подошла к зеркалу и застонала в голос. Все это время она щеголяла перед Ником в махровом халате, накинутом поверх старушечьей байковой сорочки. Красоваться ей было не перед кем, а на отоплении приходилось экономить. И вот, что из этого вышло.

– Боже, о чем я думаю?! – возмутилась Лада и, не давая себе ни единого шанса передумать, вытянула из шкафа первую попавшуюся футболку. Она не станет наряжаться и не станет себя обманывать... Она была искалеченной тридцатичетырехлетней женщиной с целым ворохом проблем за плечами. И то, что Ник на нее клюнул, свидетельствовало лишь о том, что сейчас ему сгодилась бы любая... Любая женщина, в чьих объятах он смог бы забыться. А она не хотела быть одной из многих. Она вообще ничего не хотела... Единственный мужчина, которого она любила, покоился на кладбище,

расположенном в нескольких километрах отсюда.

На этот раз они доехали без приключений. Зная о фобии Лады, Ник вел очень осторожно, но та вряд ли обратила на это внимание. Её мысли были где-то очень далеко. Он чувствовал ее отстраненность.

– Подождешь здесь? – спросила Лада, когда Ник припарковался у самого входа в отделения. Других машин не было, в маленьком приморском городке люди предпочитали передвигаться пешком.

– Нет. Нет... я хотел бы пойти с тобой.

– Зачем? – удивилась Лада. Ник передернул плечами:

– Возможно, я чем-то смогу помочь.

– Я ведь уже объясняла... – начала было женщина, но, оборвавшись на полуслове, кивнула, – ладно... Если ты действительно хочешь. Надеюсь, ты понимаешь, что это очень грустное зрелище. Невыносимое. – последнее слово Лада добавила шепотом.

Казалось, он должен был привыкнуть. Но ни черта... Ни черта! Лида оказалась совсем крохой. У нее были синие-синие глаза и отсутствовали передние зубы. А еще у этой малышки не было шансов выжить... Это сразу бросалось в глаза. Зачем он это сделал, господи? Зачем он сюда пришел?

– Привет, ягодка. Соскучилась?

– Очень-очень... А это кто?

– А это... серый волк. Помнится, ты жаловалась, что мне

плохо дается его роль...

Ничего не понимая, Ник вскинул взгляд, а Лада потянулась к своей потрепанной сумке и достала из нее толстую книжку.

– Вы мне почитаете? – обрадовалась девочка, растягивая бледные губы в улыбке.

– Ага. Надеюсь, из Ника получится лучший волк, чем из меня...

Красная шапочка... Это была Красная шапочка. Сказка, в которой ему была отведена роль злого волка. Почти как в жизни... Непонятно, почему Ник волновался. Последний раз он читал сказку сыну... Но это было очень давно. В гонке на выживание у него практически не оставалось времени на ребенка... В гонке на выживание ему казалось, что все еще впереди, все еще будет. Даже находясь рядом с сыном, одной ногой он был где-то еще – в телефонных переговорах, электронной почте, фейстайме... В итоге в его памяти не осталось толком даже воспоминаний... Даже чертовых воспоминаний... И как с этим смириться? Как пережить?

Из палаты Лады Ник вышел подавленным и разбитым.

– Я говорила, что будет сложно...

– Ничего. Справлюсь как-нибудь. Я рад, что мы познакомились.

– Ты ей тоже понравился.

– Ей понравился волк...

– Что тоже немаловажно... – слабо улыбнулась Лада.

Ник не знал, как она это выдерживает. Он сам справлялся с трудом.

– Я поручил своим людям разузнать о донорстве. У меня есть деньги... Если это будет возможно... я помогу.

– Спасибо, – прошептала Лада. – Если честно, я уже почти утратила надежду на то, что ее хотя бы просто поставят в очередь. До сих пор не поставили... До сих пор.

– Я сделаю все, что в моих силах.

– Кто ты, Ник? Ты ведь совсем не так прост, как кажешься... – тихо заметила Лада.

Он помедлил. Покрутил в красивых крупных пальцах ключи от машины, разблокировал замки... Галантным жестом распахнул перед ней дверь, прежде чем все же ответить:

– Я человек, который хочет закрыть свой долг.

– И насколько большой этот долг?

– Огромный... Мой долг просто огромный.

– Я думаю, что все у тебя все получится, – ободряюще улыбнулась Лада.

– Не уверен. Но я ни за что себя не прощу, если хотя бы не попытаюсь.

Сердце Лады подпрыгнуло. Она понимала его, наверное, как никто. Более того, она чувствовала примерно то же самое. Изматывающую душу вину. Горькую, ядовитую... Отравляющую все живое внутри, подчиняющую себе всю дальнейшую жизнь, руководящую ею...

– Ты женат? – совершенно не к месту спросила женщина,

невольно скользнув взглядом по его широкой ладони, лежащей на коробке передач.

– Был... Но сейчас это в прошлом.

Лада не знала, зачем спросила. Просто хотелось знать.

Солнце поднималось все выше над горизонтом и начинало совсем не по-осеннему припекать. Отстраняясь от невеселых мыслей, Лада чуть повернула голову:

– Ты еще не передумал рыбачить? Сегодня выдался, и правда, хороший день.

– Нет. По приезду можно будет сразу же выдвигаться.

Они действительно довольно быстро собрались. Лада нарезала бутербродов, заварила в термосе чай и, собрав все необходимые для рыбалки принадлежности, вышла во двор. С сомнением покосилась на Ника. Было в его облике что-то такое, что не давало ей расслабиться ни на минуту.

– Что смотришь?

– Думаю, а удил ли ты вообще когда-нибудь.

– Было дело однажды.

Лада покачала головой и, чуть улыбнувшись, двинулась к спуску на пляж.

– Я решила тебя не нагружать. Чуть дальше по берегу в море впадает речушка. В ней и порыбачим.

– Эй, я не просил поблажек, – возмутился Ник, как если бы факт рыбалки не с лодки как-то попирал его мужественность.

– Я знаю. Их попросила я...

– Что-то не так? – насторожился Ник.

– Перенапряглась вчера. Только и всего. К тому же ты зря считаешь, что мы что-то теряем. В речку заплывает хорошая рыба.

Ник кивнул, забрал у нее снасти и сумку и неспешно по-шагал вперед.

Глава 7

Речка и правда была небольшая. Поросшая по берегам высоким камышом и сорняками. Отсюда открывался прекрасный вид на утес и гостиницу Лады, притаившуюся на его рыжевато-коричневом склоне. Сейчас, в ярких лучах полуденного солнца, даже пожелтевшая трава на нем выглядела как-то... нарядно. Фил наверняка бы оценил этот цвет. И в отличие от самого Ника, уж точно бы знал, как тот называется. Что-то вроде «вердепешего» или какой-нибудь «гаваны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.